

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ П. П. СЕРКОВА «ПРАВООТНОШЕНИЕ (ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СОВРЕМЕННОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ)» (в 3 ч. М. : НОРМА, 2018)

DOI: 10.17803/1729-5920.2018.143.10.182-188

Монография доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста Российской Федерации Петра Павловича Серкова¹ представляет собой комплексный и относительно новый подход к пониманию правоотношения как явления общественной жизни, основанный на критическом исследовании теории права и правовой действительности. Вызывает удовлетворение тот факт, что автор, решая восполнить недостаточность исследования административных правоотношений в своей докторской диссертации, пошел значительно дальше, не остановился на этом и решил заняться изучением этого системообразующего элемента юридической науки.

В результате получился основательный и фундаментальный труд, в котором сугубо теоретическая тема приобрела еще и практическую направленность, что, несомненно, дает импульс к дальнейшему исследованию этой проблемы. Рецензент отмечает, что в такой постановке и в таком объеме теория и практика современного правового регулирования правоотношений после известной монографии Р. О. Халфиной² не исследовалась.

Но заслуживающее одобрения желание автора максимально глубже и подробнее исследовать проблему привело к чрезмерному увлечению аргументами, подтверждающими его рассуждения и выводы. Это выразилось в значительном увеличении объема монографии (1 200 с.), что усложняет ее восприятие, а также постоянном чувстве, по крайней мере возникшем у рецензента, что автор рассчитывал на очень широкий круг читателей, которым требуется многократное подтверждение судебной практикой его мыслей и соображений. Но едва ли книга будет востребована всеми студентами юридических вузов, слишком сложные научные представления о правоотношениях в ней подвергнуты критическому анализу. Необходимо ли использовать практические примеры, в том числе примеры судебной практики, в монографии? Да, необходимо. Но вот по поводу достаточности — большой вопрос — таких примеров в монографии более чем достаточно.

Правоотношение как явление общественной жизни представляет собой основную категорию юридической науки. Без глубокого теоретического и практического исследования

¹ Серков П. П.: Правоотношение (Теория и практика современного правового регулирования) : монография : в 3 ч. М., 2018.

² Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении : монография. М. : Юрид. лит., 1974. 352 с.

© Старостин С. А., 2018

* Старостин Сергей Алексеевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

grot.starostin@gmail.com

125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

этой категории сложно говорить о возможности всестороннего рассмотрения его производных — правового регулирования отдельных видов правоотношений в различных областях общественной жизни. Это та основа, без которой юриспруденция не может обойтись. В этом смысле предложенная для рецензирования работа представляет особую актуальность и значимость для современных исследователей и для будущих научных изысканий.

Трехтомный труд П. П. Серкова поражает количеством затронутых тем, проблем и вопросов, связанных с теорией и практикой правоотношений. В целом же исследование можно охарактеризовать как масштабный критический анализ научных подходов к изучению правоотношений в различных отраслях российского права на основе примеров судебной практики. В целях выявления закономерностей возникновения и развития правоотношения автор использует специфичный метод исследования, заключающийся в наблюдении за механизмом воздействия законодательства на протекание правоотношений.

Каждый вид правоотношений предлагается исследовать на основе последовательного отслеживания динамики конкретных правоотношений путем изучения процедуры воздействия норм законодательства, которыми они урегулированы³. Согласно позиции автора, такой подход способствует уяснению механизма административного правоотношения, который универсален для всех правоотношений⁴.

Оценивая использованный метод, следует отметить, что в процессе прикладного исследования появляются дополнительные возможности для выявления механизма правового регулирования. Подробный правовой анализ примеров из судебной практики путем препарирования фактов и преломления их на основе права выглядит привлекательно. Вместе с тем проведение всего исследования на основе единственного указанного метода представляется незавершенным. Для обоснования данного тезиса необходимо привести следующие примеры.

После изложения содержания правовых норм, регулирующих статус субъектов кон-

кретного правоотношения из судебной практики⁵, автор резюмирует: «Приведенные доводы весьма четко раскрывают закономерность формирования правовых статусов на основании идейного содержания соответствующей совокупности правовых норм под воздействием их государственного психического принуждения»⁶.

Под доводами, по-видимому, подразумеваются перечисленные нормы законодательства. Вместе с тем представляется, что для подобного вывода необходимы теоретические изыскания, без которых у читателя возникают неразрешенные вопросы и возражения.

Во-первых, представляется необходимым уяснить, позволяет ли качество российского законодательства говорить о наличии идейного содержания у совокупности норм, закрепленных различными правовыми актами и регулирующих отдельные аспекты правового статуса определенных хозяйствующих субъектов. В исследовании часто используется формулировка «идейное содержание совокупности правовых норм», но, к сожалению, не поясняется, что следует понимать под идейным содержанием.

Во-вторых, остается не ясным, каким образом автору удалось выявить закономерность, основываясь только на перечислении норм законодательства, актуальных для конкретного правоотношения. При этом не рассматривается возможность влияния на правовой статус субъектов правоотношения решения суда (например, вступление в законную силу решения суда об ограничении дееспособности лица), локального акта субъекта правоотношения, являющегося юридическим лицом (например, устава акционерного общества), соглашения, одним из участников которого является субъект правоотношения (например, заключение группой компаний договора о совместной деятельности), и т.д.

Аналогичная ситуация наблюдается при установлении статуса субъектов административного правоотношения. Все то же развернутое перечисление содержания норм законодательства, регулирующих статус субъектов конкретных отношений, без каких-либо выводов по теме⁷.

³ См., например: Серков П. П. Указ. соч. Ч. 2 и 3. С. 10—56, 119—262, 362—479.

⁴ Серков П. П. Указ. соч. Ч. 2 и 3. С. 159.

⁵ Серков П. П. Указ. соч. Ч. 2 и 3. С. 22—27.

⁶ Серков П. П. Указ. соч. Ч. 2 и 3. С. 27.

⁷ Серков П. П. Указ. соч. Ч. 2 и 3. С. 167—172.

Подобное изложение напоминает лекцию в университете, где автор демонстрирует превосходное знание норм законодательства, например о том, как регулируется правовой статус политической партии, избирательной комиссии, кандидата в депутаты⁸. Но при этом отсутствует теоретическая составляющая исследования с доказыванием авторской позиции, установлением причинно-следственных связей, формулированием выводов.

После описания положений законодательства, регулирующих статус субъектов пяти конкретных правоотношений⁹, следует единственный вывод: «По результатам проведенного анализа можно однозначно констатировать факт того, что в системе правовых норм всегда находятся такие нормы, идейное содержание которых обслуживает правовые статусы субъектов административных правоотношений. Напрашивается вполне рациональное предположение о том, что для других целей эти нормы, очевидно, не пригодны»¹⁰. И все, это весь вывод. Почему для другого такие нормы не пригодны, не поясняется.

Более того, заявленное первоначально утверждение о том, что правовой статус органа публичной власти служит подтверждением «объективной невозможности» их «возвышения» во взаимоотношениях с физическими и юридическими лицами¹¹, не раскрывается. После изложения содержания правовых норм не следует пояснений авторского видения: в чем же заключается подтверждение выдвинутого тезиса?

Характеристика механизма административных правоотношений сводится к пересказу содержания правовых норм законодательства, используемых в конкретных случаях судебной практики¹². Завершая главу, автор лишь отмечает: сложно отрицать, что в каждом из приведенных примеров «имеет место наличие конкретных субъективных потребностей-целей субъектов, наделенных правовыми статусами, а также их взаимных и паритетных прав и обязанностей в целях достижения объекта»¹³.

Метод исследования понятен и специфичен одновременно, но для использования его потенциала более эффективно, на наш взгляд, было бы привести теоретическую составляющую в обоснование взаимосвязей, выявленных путем анализа законодательства. Примечательно, что сам П. П. Серков придерживается позиции о том, что «детальное обоснование научных суждений выступает важнейшим требованием к авторским точкам зрения»¹⁴. Представляется, что изложение содержания норм права без теоретической составляющей исследования нельзя признать детальным обоснованием научных суждений.

В работе предлагается оригинальная классификация видов правоотношений: общерегулятивные; административные; правоотношения в связи с юридической ответственностью; процессуальные; конституционные.

Выделение категории общерегулятивных отношений путем объединения гражданских, трудовых, семейных и жилищных правоотношений основано на выявленной автором общей черты таких правоотношений. Каждое из них «включает в себя субъективные потребности-цели, материализация которых не предполагает дополнительного участия государства»¹⁵.

Автор обособляет административное правоотношения и правоотношения в связи с юридической ответственностью, что также вызывает возражение. Можно было бы с этим утверждением согласиться, если бы административные правоотношения были бы им названы управленческими, а квазисудебные функции исполнительной власти были бы названы недопустимыми и противоречащими конституционным нормам.

Вызывает беспокойство и даже тревогу высказанная автором позиция о недопустимости многообразия научных взглядов¹⁶. По мнению П. П. Серкова, полемизирование на научные темы свидетельствует о недостатках науки. Более того, заявляется, что теоретическая множественность и дискуссионность по многим во-

⁸ Серков П. П. Указ. соч. Ч. 2 и 3. С. 172—192.

⁹ Серков П. П. Указ. соч. Ч. 2 и 3. С. 154—192.

¹⁰ Серков П. П. Указ. соч. Ч. 2 и 3. С. 192.

¹¹ Серков П. П. Указ. соч. Ч. 2 и 3. С. 154.

¹² Серков П. П. Указ. соч. Ч. 2 и 3. С. 119—263.

¹³ Серков П. П. Указ. соч. Ч. 2 и 3. С. 262.

¹⁴ Серков П. П. Указ. соч. Ч. 2 и 3. С. 268.

¹⁵ Серков П. П. Указ. соч. Ч. 2 и 3. С. 11.

¹⁶ См., например: Серков П. П. Указ. соч. Ч. 2 и 3. С. 295, 320.

просам привели к тому, что «доктрина административного правового регулирования в первую очередь не позволяет реально и системно развивать “современное законодательство”»¹⁷.

Представляется, что такой подход вреден для науки. Плюрализм научных идей и гипотез, имеющих шанс быть признанными теориями, — залог развития научного знания. В научных дискуссиях исследователи получают импульс для дальнейших научных изысканий. Чем больше образованных и опытных представителей науки и практики участвуют в исследованиях определенных проблем, тем выше вероятность приблизиться к их решению, а в конечном счете — к истине. При этом следует признать, что истоки несовершенства российского законодательства кроются в том числе и в удручающем состоянии законотворческого процесса, который не предполагает участия в нем на постоянной и системной основе экспертов и представителей юридической науки.

Автором анализируются некоторые подходы к научному пониманию государственного управления¹⁸. Критикуя существующие в науке мнения за отсутствие в исследованиях характеристик и признаков публичных потребностей, автор не формулирует собственных предложений.

В работе делается сомнительный вывод относительно статуса избирательных комиссий, утверждается, что раз деятельность избирательных комиссий «не может признаваться аналогичной деятельности органов законодательной и судебной власти» ее следует рассматривать применительно к деятельности органов исполнительной власти¹⁹.

В работе подвергаются критике наиболее общепризнанные наукой административного права признаки и определение административного правоотношения²⁰.

Не соглашаясь ни с одним из подходов к определению понятия административного правоотношения, автор не делает попыток сформулировать более точное определение или выявить дополнительные признаки, свойственные административному правоотношению. Вместо

этого на основе анализируемых ранее примеров делается следующий вывод: «Конкретика возникновения и развития многообразных административных правоотношений не предполагает каких-то обобщенных правовых признаков»²¹.

Таким образом, автор не находит возможным выявить признаки административных правоотношений в силу их многообразия. В этой связи возникают закономерные вопросы: а чем тогда являются административные правоотношения и существуют ли они вообще? Можно ли в принципе выявлять виды правоотношений, если у них нет специфических признаков?

Административные правоотношения как правовая категория, объединяющая определенные явления общественной жизни, не могут не обладать характерными признаками, иначе их не существует. Вывод автора не выдерживает критики. Рассуждения по формуле: «раз это не совершенно, значит — не нужно вообще», не могут быть приняты.

Вместе с тем в работе делается акцент на то, что налоговые и финансовые правоотношения являются видами административных правоотношений²². Соглашаясь в этом с автором, отметим, что не вполне ясно, как можно отнести какие-либо правоотношения к категории административных без выявления самой категории административных правоотношений.

Автор критически высказывается по поводу характеристики административных правоотношений «с помощью иерархической конструкции: власть — подчинение»²³: «до наших дней остается неизвестным, на каких доказательствах основывается вера в то, что указанные субъекты (т.е. органы публичной власти и их должностные лица. — С. С.) должны доминировать во взаимоотношениях с физическими и юридическими лицами». Автор доказывает юридическое равенство субъектов административных правоотношений, ссылаясь на наличие взаимных субъективных прав и обязанностей между субъектами²⁴.

На основе анализа приведенных в работе примеров делается вывод о том, что каж-

¹⁷ Серков П. П. Указ. соч. С. 355—356.

¹⁸ Серков П. П. Указ. соч. Ч. 2 и 3. С. 289—295.

¹⁹ Серков П. П. Указ. соч. Ч. 1. С. 149.

²⁰ Серков П. П. Указ. соч. Ч. 2 и 3. С. 268—274.

²¹ Серков П. П. Указ. соч. Ч. 2 и 3. С. 274.

²² Серков П. П. Указ. соч. Ч. 2 и 3. С. 285, 288.

²³ Серков П. П. Указ. соч. Ч. 2 и 3. С. 297.

²⁴ Серков П. П. Указ. соч. Ч. 2 и 3. С. 298—301.

дый субъект административных правоотношений имеет первичные и вторичные права и обязанности во взаимоотношении с другим субъектом. Это свидетельствует о выявлении устойчивой взаимосвязи, возникающей между субъектами правоотношений.

Вместе с тем в исследовании не делается попытки проанализировать влияние на административные правоотношения властных полномочий, которыми наделены органы публичной администрации. А ведь именно это определяет траекторию развития административного правоотношения и определяет потребность в защите прав и интересов граждан во взаимоотношениях с органами государственной власти и их должностными лицами. Вместо признания очевидного доминирования органов государственной власти и их должностных лиц в отношениях с гражданами автор занимает позицию отрицания властных полномочий первых, поскольку «власть, принадлежащая государству, им лишь доверена»²⁵. Представляется, что такая позиция не в силах опровергнуть подхода о властном характере административных правоотношений.

Остается неясным, почему автор полагает, что научные представления об административных правоотношениях как об отношениях власти — подчинения подразумевают наличие односторонней конструкции административных правоотношений²⁶. Такое понимание не соответствует теории административного права.

В монографии утверждается, что путем описания правового регулирования конкретных административных правоотношений удалось выявить механизм административных правоотношений, который «выступает единственным связующим звеном между идейным содержанием правовых норм, регулирующих государственное и муниципальное управление, осуществляемое указанными органами, и воплощением этого регулирования в общественную жизнь»²⁷. Выявив на эмпирическом уровне данный факт, автор не делает попытки его теоретического осмысления: в работе не

предлагается определения механизма административного правоотношения.

Вместе с тем механизм административных правоотношений назван одним из центров административного правового регулирования²⁸. Настаивая на универсальности механизма административных правоотношений, автор предлагает положить его в основу обособления административных правоотношений от иных видов, а также использовать его для научного организационного структурирования и оптимизации деятельности органов государственной власти и их должностных лиц, т.е. в целях осуществления административной реформы²⁹. Вместе с тем попытки обособить административные правоотношения предложенным способом в работе не предпринимаются.

Работа включает в себе новый подход к осмыслению элементов правоотношения: объекте, субъектах и их правах и обязанностях, а также потребностях и интересах, реализуемых в правоотношении.

Критически оценивая предыдущий опыт научного определения объекта правоотношения³⁰, автор приходит к выводу, что в объекте правоотношения находят свое отражение субъективные потребности³¹. Представляется, что установленная автором связь потребностей субъектов правоотношения и объектом правоотношения оправдана и не противоречива.

Однако далее П. П. Серков вносит в теорию правоотношения новую категорию, которую называет «потребность-цель» субъекта правоотношения. Эта категория призвана отразить двойное содержание объекта правоотношения, образующегося «тогда, когда потребность одного субъекта предстает частью потребности другого»³². Разделяя позицию о наличии собственных интересов у каждого субъекта правоотношения, зададимся вопросом о целесообразности создания новой правовой категории. Кроме того, когда автор говорит о парной зависимости субъектов правоотношения друг от друга³³, создается впечатление, что, по его

²⁵ Серков П. П. Указ. соч. Ч. 2 и 3. С. 312.

²⁶ Серков П. П. Указ. соч. Ч. 2 и 3. С. 301.

²⁷ Серков П. П. Указ. соч. Ч. 2 и 3. С. 296.

²⁸ Серков П. П. Указ. соч. Ч. 2 и 3. С. 358.

²⁹ Серков П. П. Указ. соч. Ч. 2 и 3. С. 357—361.

³⁰ Серков П. П. Указ. соч. Ч. 1. С. 96—114.

³¹ Серков П. П. Указ. соч. Ч. 1. С. 124.

³² Серков П. П. Указ. соч. Ч. 1. С. 136—137.

³³ Серков П. П. Указ. соч. Ч. 1. С. 137.

мнению, правоотношения могут быть только двусторонними.

В монографии утверждается, что объект административного правоотношения формируется исходя из самостоятельных для каждого субъекта правоотношения субъективных потребностей-целей и из правовых норм, которые формируют объект правоотношения своим идейным содержанием³⁴. В данном случае к потребностям-целям добавляются правовые нормы, которые не встречаются при характеристике объекта правоотношения в первой части исследования.

В другом месте работы встречается и третья позиция: «субъективные потребности-цели и объекты административных правоотношений формируются идейным содержанием не одной, а совокупности правовых норм, подчас предусмотренных в различных правовых актах»³⁵. То есть потребности-цели уже не признаются частью объекта правоотношения и являются самостоятельным элементом правоотношения?

На указанном примере неточности в изложении материала показан теоретический недостаток исследования, выражающийся в отказе автора от выявления системных признаков исследуемых правовых категорий, а также отказе от формулирования определений этих понятий.

Так, ссылаясь на факт того, что объект всегда представляет собой неотъемлемую часть правоотношения, автор считает нецелесообразным формулирование понятия объекта правоотношения, «невольно создающего иллюзию его автономности»³⁶.

Однако, как показывает рассматриваемое исследование, отсутствие четко сформулированных признаков и понятий правовой категории влечет за собой размытое его понимание, что вряд ли способствует развитию теории правоотношений.

К достижениям работы следует отнести выделение категории субъективного правового статуса субъекта правоотношения, а также выявление возможности его определения только в контексте двусторонних или более правоотно-

шений. Это объясняется тем, что «в реальности субъективные правовые статусы всегда соподчиняются принципам соотносимости и сопоставимости субъективных потребностей-целей не менее чем двух субъектов»³⁷.

Ключевая роль в механизме правоотношения отводится потребностям-целям субъектов правоотношения, материализация возможна только с помощью идейного содержания соответствующей совокупности правовых норм³⁸.

Кроме того, на основе проанализированных примеров из судебной практики в работе делается вывод о том, что «для материализации субъективных потребностей-целей востребуются правовые нормы без учета отраслевой принадлежности». На этой основе автор усматривает необходимость пересмотра научных положений о соотношении публичного и частного права, поскольку нормы, традиционно относимые к нормам частного права, оказывают не менее активное воздействие на участников административных правоотношений, чем нормы административного права³⁹. Проведенное эмпирическое исследование демонстрирует неразрывную связь и постоянное взаимодействие публичного и частного права. Это позволяет согласиться с точкой зрения автора относительно урегулирования административных правоотношений нормами не только административного права, но и других отраслей, в зависимости от специфики конкретного правоотношения.

Интерес рецензента вызвал авторский подход к наличию первичных и вторичных прав и обязанностей субъектов правоотношений с последующей их иллюстрацией конкретными примерами, анализируя которые автор определяет, «кому из субъектов принадлежит первичное субъективное право, а кому первичная субъективная обязанность и, соответственно, кто из них наделяется вторичным субъективным правом, а кто — вторичной субъективной обязанностью»⁴⁰. При этом «вторичность субъективных прав не означает их качественных недостатков»⁴¹.

³⁴ Серков П. П. Указ. соч. Ч. 2 и 3. С. 151.

³⁵ Серков П. П. Указ. соч. Ч. 2 и 3. С. 153.

³⁶ Серков П. П. Указ. соч. Ч. 1. С. 141.

³⁷ Серков П. П. Указ. соч. Ч. 2 и 3. С. 34.

³⁸ Серков П. П. Указ. соч. Ч. 2 и 3. С. 343.

³⁹ Серков П. П. Указ. соч. Ч. 2 и 3. С. 343.

⁴⁰ Серков П. П. Указ. соч. Ч. 2 и 3. С. 193.

⁴¹ Серков П. П. Указ. соч. Ч. 2 и 3. С. 193.

Представляется необходимым более подробно изучить вопрос о значении разделения прав и обязанностей на первичные и вторичные. Правоотношение не сможет достигнуть своей цели, пока субъектами правоотношения не будут реализованы их права и обязанности вне зависимости от их условной значимости.

Кроме того, автор указывает, что между субъектами правоотношения «закладывается конкретика обоюдности, взаимности и паритетности субъективных прав и обязанностей для материализации конкретных субъективных потребностей-целей»⁴². В чем же тогда заключается цель предлагаемой классификации и как она соотносится с «обоюдностью, взаимностью и паритетностью прав и обязанностей субъектов»?

Автор называет проблему административного усмотрения «следствием научного придания в административном правоотношении односторонней властности органам публичной власти и их должностным лицам»⁴³. Бесспорно, представителям юридической науки будет приятно мнение об обладании практически безграничными возможностями влияния на общество и государство, однако вряд ли такое лестное для ученых предположение соответствует действительности.

Автор многократно усматривает необходимость выявления «признаков, критериев и параметров» административного усмотрения, как, впрочем, и иных правовых категорий, указывая на отсутствия подобных исследований в прошлом, но, к сожалению, не делает попытки выявить их в рассматриваемом исследовании⁴⁴. При этом позиция автора, согласно которой административное усмотрение должно заключаться в том, как «исполнить идейное содержание правовых норм»⁴⁵, представляет интерес для дальнейшего рассмотрения в рамках административно-правовых исследований.

Таким образом, подводя итог, следует сделать некоторые обобщающие выводы.

Автором заявлена фундаментальная тема исследования, к познанию которой предлагается приблизиться через описание нормативно-правового регулирования частных случаев из судебной практики. Отмеченное ранее достоинство работы, заключающееся в прикладном характере исследования, соединяется и с ее недостатками.

Представляется крайне затруднительным установить теоретическую правовую категорию, имеющую ключевое значение для юридической науки, исключительно через практику. Вряд ли такой подход отражает существо и глубинную суть правоотношения как основополагающей категории правовых отношений в обществе. В работе не предпринимается попыток выявления признаков и формулирования определений исследуемых правовых категорий: правоотношения и его видов, а также элементов правоотношения.

Учитывая отмеченную автором важность обеспечения возможности использования работы практикующими юристами, можно сделать предположение о будущей востребованности исследования в части использования подробного анализа влияния правовых норм на те или иные правоотношения. В этой связи следует заметить, что исследование является выдающейся работой практика. Однако приходится признать, что использованного метода недостаточно для проведения глубокого анализа в области теории права.

Хотелось бы отметить вклад П. П. Серкова в развитие теории правоотношений, который будет только возрастать вместе с появлением новых научных работ, вдохновленных рассматриваемым глубоким исследованием. Учитывая количество выявленных автором проблем теоретического и прикладного характера, можно утверждать, что исследованию суждено лечь в основу будущих научных изысканий в различных отраслях права.

Материал поступил в редакцию 7 октября 2018 г.

REVIEW OF THE MONOGRAPH BY P.P. SERKOV "LEGAL RELATIONSHIP (THEORY AND PRACTICE OF MODERN LEGAL REGULATION)" (IN 3 PTS. MOSCOW: NORMA PUBL., 2018)

STAROSTIN Sergey Alekseevich — Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Administrative Law and Procedure of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
grot.starostin@gmail.com
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9

⁴² Серков П. П. Указ. соч. Ч. 2 и 3. С. 222.

⁴³ Серков П. П. Указ. соч. Ч. 2 и 3. С. 308—309.

⁴⁴ Серков П. П. Указ. соч. Ч. 2 и 3. С. 301—309.

⁴⁵ Серков П. П. Указ. соч. Ч. 2 и 3. С. 354.